

*Екатерина Бороздина,
Елена Здравомыслова, Анна Темкина*

Забота в постсоветском пространстве между патернализмом и неолиберализмом: феминистские исследования

Категория заботы, которая еще недавно была маргинальной для общественных наук, прочно вошла в академическое поле социологии, гендерных и социально-политических исследований. Концептуальный аппарат социологии заботы позволяет изучить широкий спектр социальных феноменов — от неоплачиваемого домашнего труда до идеологических оснований социальной политики, показать взаимосвязи между этими феноменами и тенденции их изменений.

Проявления заботы разнообразны, столь же разнообразны и подходы к ее определению и анализу. В современной социологической литературе выделяется четыре основных взгляда на заботу. Первый из них связан с пониманием заботы как специфического женского опыта, обусловленного гендерными семейными ролями матери, дочери, жены и др. В этом смысле заботиться — значит выполнять неоплачиваемую домашнюю и эмоциональную работу в приватной сфере (Graham 1991). Второй подход представляет заботу как особый тип социальных отношений, которые могут складываться не только в приватном, но и в публичном пространстве. В данном случае забота выступает как совокупность практик, регулируемых особой этикой, которая отдает приоритет таким ценностям, как сочувствие, доверие, привязанность, и делает акцент на альтруистическом сотрудничестве и эмпатии (Tronto 1993; Held 2006). Еще одна — третья — интерпретация заботы представляет ее в качестве особого типа работы по обслуживанию зависимых людей разного возраста и повседневному персонализированному уходу за ними. Труд заботы может быть оплачиваемым и неоплачиваемым, поддерживаемым рынком, НКО или государством (Ungerson 1995; Daly,

Lewis 2000; England 2005). В рамках четвертой интерпретации, сложившейся под влиянием акторно-сетевой теории и в целом поворота к материальному, забота рассматривается как практическая логика и способ объединения разнородных действий и феноменов. Логика заботы, признающая уязвимость индивидов, их взаимосвязанность и зависимость от конкретных контекстов, противопоставляется либеральной логике выбора, которая отдает приоритет автономии, рациональным решениям и универсальным закономерностям (Mol 2008).

Важно, что во всех четырех случаях ведущую роль в осмыслении заботы играет феминистская оптика. Хотя разговоры о заботе, казалось бы, отсылают нас к домашнему очагу и личным эмоциям, в действительности данная категория — это важный инструмент критического анализа социального порядка. В ней заложен трансформирующий потенциал изучения отношений неравенства. Исследования практик, режимов и идеалов заботы направлены на выявление несправедливости в разных областях и поиск путей изменения ситуации. Речь здесь может идти о необходимости признать ценность невидимого женского домашнего труда (Blair-Loy et al. 2015), об утверждении права граждан на получение заботы наравне с политическими, экономическими и другими социальными правами (Kremer 2007). И это еще не все. Политические философы могут апеллировать к категории заботы для того, чтобы поставить под вопрос само представление о справедливости как следовании универсальному закону и о субъекте как о независимом от других и способном совершать информированный выбор индивиде. Универсальный закон, утверждают критики, не распространяется на ситуации, в которых субъект зависим от других людей (Sevenhuijsen 1998).

Как инструмент критической социологии понятие заботы имеет выраженный политический смысл. Забота, даже если она рассматривается применительно к приватному семейному опыту, — это всегда категория, отсылающая к публичной проблематике, к политическому измерению практик. Как показывают феминистские исследования, практики заботы связаны с гендерным гражданством (Walby 1994; Orloff 2009). Государство и общество наделяют граждан разного пола правами и обязательствами по получению и предоставлению заботы; социальная политика и культурные представления определяют статус граждан, которые вовлечены в долгосрочные отношения заботы. Политическими

являются и режимы заботы, которые в конкретных обществах задают институциональные и идеологические рамки практик и отношений заботы (Lewis 1992; Daly, Lewis 2000).

Задача настоящего сборника — описать и проанализировать фрагментированные феномены постсоветской заботы, которые складываются в условиях изменяющегося гендерного порядка, роста социального неравенства и неолиберальных реформ в социальной сфере. В нашем коллективном проекте мы учитываем перспективу жизненного пути (или жизненного цикла, так называемого *life-course approach*), т. е. исходим из того, что практики и режимы заботы в отношении граждан разного возраста осмысливаются, поддерживаются и реализуются по-разному.

Исследователи постсоветских трансформирующихся обществ выявляют выраженные различия между режимами заботы о детях и родителей, с одной стороны, и о пожилых гражданах, с другой (см., например, Tkach, Hrženjak 2016). В первом случае культурные практики заботы в значительной степени дефамилизируются и поддерживаются государством. Режим социальной политики основан на принципах всеобщего доступа и ориентирован на обеспечение баланса между оплачиваемым трудом и родительскими обязательствами, доступны рыночные сервисы по уходу за детьми (Чернова 2013). И даже идея гендерного равноправия постепенно получает распространение в связи с этим направлением заботы (Авдеева 2012). Режим заботы о пожилых гражданах остается более традиционным — фамилистским, домашним. Институциональные и монетарные меры поддержки тех, кто заботится о близких, принадлежащих к старшему поколению, явно недостаточны.

Наши исследования подтверждают тезис о различиях в режимах заботы о родителях и детях и о пожилых гражданах. И мы организуем наш проект как двуединый. Одна его часть посвящена практикам заботы в сфере репродуктивного здоровья, материнства и детства. Это современная тематика ОХРАНИМЛАДА (охраны здоровья матери и ребенка) — если пользоваться советским бюрократическим языком. Во второй части сборника представлены исследования того, как организована забота о пожилых гражданах. Таким образом, мы анализируем практики заботы с учетом различных этапов жизненного пути, в который они институционально встроены.

Забота в неолиберальном мире: изменение гендерного порядка и социальное неравенство

Сформулируем ряд положений, которые создают общую рамку эмпирических исследований практик заботы, представленных в данном сборнике. Тезисы, представленные ниже, дополняют и частично перекрывают друг друга. Однако они достаточно точно описывают категориальный аппарат осмысления практик заботы в современном мире.

Тезис первый. *Кризис заботы* — так в наиболее общем виде исследователи характеризуют современную ситуацию в сфере практик и отношений заботы (Hochschild 1995; Isaaksen et al. 2008). Этот кризис приобретает глобальный характер, поэтому не может быть решен в рамках отдельных государств, — стратегии, направленные на то, чтобы преодолеть нехватку заботы, приводят к формированию глобальных, региональных и внутристрановых цепочек заботы (Parrenas 2003; Lutz, Palenga-Mollenbeck 2012).

Кризис заботы имеет количественное и качественное изменение. С одной стороны, в развитых странах сокращаются традиционные ресурсы домашней заботы, которые многие века ассоциировались с нормами женских семейных ролей — матери, супруги, бабушки и пр. В течение последнего столетия произошла гендерная революция: женщины (традиционные агенты домашней заботы) вышли массово в сферу оплачиваемой занятости, и в качестве нормативного утвердился новый тип городской семьи с двумя работающими взрослыми (Hochschild 1995; Daly 2011). Дефицит заботы в приватном пространстве в современном обществе может восполняться за счет социальных институтов, оплачиваемых форм заботы, поставляемых рынком труда, а также за счет труда волонтеров, помощи социальных сетей общества. Однако нехватка заботы продолжает ощущаться, и так называемый *ромб заботы*¹ не в состоянии полностью решить эту проблему. Это становится особенно очевидным, когда общество

---

¹ Ромб заботы — совокупность акторов, вовлеченных в практики заботы в современном обществе: семья, государство, рыночные структуры, общественные организации (Здравомыслова, Темкина 2015: 550).

атомизируется, социально-государственные сервисы сокращаются, а коммерческие услуги заботы оказываются доступными только финансово благополучным гражданам.

Меняется и качественное измерение заботы. Возрастают социальные ожидания по отношению к практикам заботы и тем профессионалам, которые вовлечены в данную сферу. Потребитель ориентирован на получение модернизированных и квалифицированных услуг, сочетающих в себе практический уход с искренней эмоциональной вовлеченностью, эмпатией, персонализированным отношением (James 1992; Lazarus 1994). Эмоциональная работа предстает как неотъемлемая составляющая заботящихся профессий, однако она сопряжена с выгоранием, недооценкой труда потребителями и обществом в целом и потому тоже всегда является дефицитным благом (Davies 1995; Abbott, Meerabeau 2003). Потребность в заботе неуклонно растет, а ее традиционный источник в семейных ролях женщин иссякает. Забота в результате оказывается в кризисе, т. е. ее вечно не хватает. И социальные субъекты прибегают к различным стратегиям выхода из этого кризиса.

Тезис второй непосредственно связан с первым: *в обществе победившего глобального капитализма наблюдается тренд коммодификации заботы*, т. е. превращения ее в товар (Classen 2011; Aulenbacher et al. 2018). Товарно-денежные отношения проникли в ту сферу, которая раньше управлялась совсем другими неконтрактными нормами — отношениями близости, родства, отношениями дара. Забота стала сферой оплачиваемого труда, ее поставщики — няни, сиделки, домработницы — представляют особый сегмент рынка труда, который характеризуется прекарностью, относительно низким престижем при высокой востребованности и транснациональным масштабом. Коммодификация ведет к осмыслению заботы в качестве атрибута многих профессиональных сфер (например, медицинской или социальной помощи). При этом сохраняется фактически недостижимый и достаточный утопичный идеал *теплой* заботы, воспроизводящий модель близких отношений, которая предполагает устойчивое внимание к потребностям зависимого другого и практики труда-любви.

Тезис третий. *Неолиберальные принципы социальной политики и организации социальной жизни влияют на практики заботы*. Мы живем в эпоху глобального неолиберально-

го капитализма, который имеет свою структурную специфику в разных обществах. В неолиберальном контексте спрос на заботу обеспечивается как семьей, так и гендеризированными институтами рынка и гражданства. С одной стороны, практики заботы по-прежнему осуществляются неформально и нестандартизированно в рамках семейной системы и дружеских соседских сообществ, а именно как выполнение нравственного долга в отношении близких. Более того, неолиберальное государство способствует приватизации заботы — она в значительной степени предстает как личное дело каждого человека, его личный выбор, за который несет ответственность он сам. Жадное неолиберальное государство сокращает социальные поддержки, которые предназначаются для заботящихся и тех, кто нуждается в заботе.

С другой стороны, забота коммерциализируется — она покупается на рынке услуг и функционирует как некая добавленная стоимость при обслуживании. Клиенты (например, оплачивая услуги родовспоможения) получают не только саму услугу, но и дополнительно — эмоционально-вовлеченную заботу как своего рода привлекательную обертку. Однако далеко не все члены общества обладают достаточными ресурсами, чтобы приобрести сервис, дополненный заботливым отношением. В этом контексте покупка и продажа заботы как элемента сервиса оборачиваются социальным неравенством (Rotkirch et al. 2012).

Далее, в неолиберальном контексте забота осмысляется как право граждан на социальную поддержку государства как заботящихся, так и нуждающихся в заботе (Kremer 2007). В этом смысле доступ к заботе оказывается измерением гражданства, в том числе и в транснациональном контексте. Государства формируют разные схемы выплат за уход для своих заботящихся граждан и разные схемы найма иностранных граждан в качестве поставщиков заботы. Кризис заботы в благополучных семьях стран Запада с двумя работающими взрослыми часто разрешается за счет менее благополучных социальных слоев или мигрантов из менее благополучных стран. С их помощью семьи западного среднего класса поддерживают баланс между оплачиваемой занятостью и иными жизненными интересами (*work-life balance*). Так, интересные примеры представляют собой режимы заботы *мигрант в семье* (в Италии) и *мигрант по найму через агентство* (в Австрии) (Christensen, Pilling 2017). При этом задействуются цепочки заботы, через которые происходит ее перетекание от менее

состоятельных к привилегированным социальным группам. Таким образом, обеспечение социальной заботы оказывается механизмом производства неравенства по признаку гендера, класса и зачастую гражданства (Lutz, Palenga-Mollenbeck 2012; Lutz 2018).

Забота в постсоветском контексте: неолиберализм и стейтизм

Исторически в советском обществе сформировались собственные представления о социальной заботе. Категория заботы активно использовалась в риторике государственной опеки и в повседневном дискурсе о неформальной поддержке в домашней и публично-приватной сфере (Богданова 2006). Хотя риторика заботы опекающего государства об (инфантильных) гражданах и гражданках доминировала, в действительности ее институциональных форм было недостаточно, а предоставляемые государством услуги зачастую были низкого качества (Григорьева 2013).

В течение постсоветского периода происходят значительные изменения как в российском режиме заботы, так и в запросах ее потребителей. С середины 2000-х власти стремятся вернуть себе статус основного поставщика заботы и соответствовать советскому стандарту обширных и универсальных гарантий в области социальной заботы (в особенности в сферах заботы о матерях и детях) (Cook 2011; Чернова 2013). Такой этакратический (стейтистский) тренд и риторический патернализм сосуществуют с трендом прагматического либерализма — все большего делегирования ответственности самим гражданам за их благополучие, с трендом приватизации заботы. Забота во многом остается делом семей и потому определяется социально-экономическим положением домохозяйств и гендерным укладом (Здравомыслова, Ткач 2016). В сфере здравоохранения, к примеру, масштабные и широко анонсируемые национальные проекты и программы (проект «Здоровье», программа модернизации) сочетаются с планами переложить часть финансовой нагрузки за медицинские сервисы с государственного бюджета на плечи самих потребителей услуг (Шишкин и др. 2018).

Подчеркнем еще раз существенные различия в сферах осуществления заботы. Родовспоможение и уход за детьми коммер-

циализируются быстрее и последовательнее, чем сфера ухода за пожилыми. Этому способствует смена гендерного контракта *работающей матери* на контракт *интенсивного материнства*, рост требований матерей среднего класса к качеству заботы о детях и здоровье. В сфере заботы о пожилых государственной помощи существенно меньше, чем в сфере поддержки семей и заботы о детях. По-прежнему в российском обществе господствует культурная модель семейной заботы, гендерно маркированной и домашней. «Сэндвич-синдром»² накрывает с головой стержневое (среднее) поколение в трехпоколенной семье, а схемы поддержки семейного ухода за старшими родственниками не получают развития. В отношении зависимых пожилых государство остается жадным. Его внимание к старшему поколению только недавно стало практически ориентированным, и мы не можем еще с уверенностью сказать, что риторика внимания к пожилым найдет выражение в улучшении качества их жизни и совершенствовании механизмов поддержки системы долговременного ухода и заботы.

На институциональном уровне в социальной сфере происходит трансформация бюрократии посредством внедрения в нее неолиберальных механизмов. Социологическое представление о бюрократии связано с эффективностью, рациональностью и стандартизацией. Однако постсоветские институты социальной сферы адаптируют неолиберальные представления о подотчетности, не отказываясь от устаревших принципов работы, — ригидной иерархичной структуры, слабой ориентации на потребности клиентов.

В целом идет процесс менеджериализации — усиление контроля, подотчетности, стандартизации при внедрении квазирыночных принципов регулирования в ранее нерыночные сферы. Утверждаются стандарты работы заботящихся профессий, более строгим становится контроль со стороны государственных органов и страховых компаний. Обеспеченные семьи все чаще делегируют ответственность за заботу коммерческим сервисам. Одновременно государство пытается сделать семью все более подотчетной, особенно в вопросах заботы о детях.

---

² Жизненная ситуация, в которой люди, еще оказывая поддержку взрослеющим детям, уже сталкиваются с необходимостью заботиться о собственных пожилых родителях.

Наряду с формированием новой социально-политической и институциональной рамки заботы — неолиберальной и этакратической одновременно — на микроуровне происходит формирование новых субъектов заботы, новых идентичностей ее поставщиков и потребителей. Потребители заботы, усваивая неолиберальную риторику, становятся более требовательными к качеству предоставляемых услуг. Представители ресурсно обеспеченных групп настаивают на своем праве выбирать заботу как услугу особого вида в той форме, которая соответствует их желаниям и потребностям (Rotkirch et al. 2012; Темкина 2017). Выбирая заботу, они выражают и закрепляют классовую позицию (Здравомыслова, Ткач 2016). Проводя различие между своим и советскими поколениями, они подчеркивают рост ожиданий — стремление к большему комфорту и персонализации сервисов, предоставляемых институтами социальной заботы. В отличие от патерналистских получателей государственного блага, они готовы прикладывать усилия для поиска заботы в нужном формате, а также инвестировать деньги в ее получение. Новый субъект заботы респонсибилизируется — ему приписываются способность к подсчету затрат и выгод, способность адекватно осознавать свои потребности и готовность взять на себя ответственность за обеспечение собственного благополучия и благополучия близких. Обратной стороной этого процесса становится рост социально-культурного неравенства — менее ресурсные социальные группы выбирают бесплатный сервис, поставщиком которого является государство. В результате низкообеспеченные семьи ограничены в свободе выбора и формах поддержки. Конкретный режим заботы, таким образом, вносит свой вклад в производство и поддержание социального неравенства.

При этом в постсоветском контексте ответственность неолиберального субъекта может быть связана не только с инвестированием денег, но и со способностью получать и выбивать причитающиеся льготы у государства. Активность и амбициозность потребителя проявляется и тогда, когда он/а нацелен на получение государственной помощи. Это показало наше исследование граждан, имеющих право на получение семейного (материнского) капитала и предпринимающих усилия для его получения и адаптации к своим нуждам (Бороздина и др. 2012). Другой пример — разные категории льготных групп, например, ветераны труда и войн, которые рассчитывают на привилегии, поддерж-

ку и уважение со стороны государства так же, как при советской власти. Они могут бороться за социальную справедливость (права), апеллируя к признанию своих заслуг отечеством (Edele 2006).

В российском контексте, как и в глобальном масштабе, происходит профессионализация заботы. Забота постепенно утверждается как особая сфера занятости, где оказываются востребованными как технологические рациональные навыки, так и эмоциональная вовлеченность, ориентация на конкретного потребителя (Симонова, Ядрова 2013; Бороздина 2016). При этом сосуществуют формальные и неформальные отношения. Контексты заботы отличаются в каждом отдельном случае, однако государство стремится к формализации, стандартизации и подотчетности практик профессиональных заботящихся. Рыночные механизмы оказываются более гибкими и способными удовлетворить спрос на заботу, если покупатели обладают достаточными экономическими ресурсами для оплаты коммерческих сервисов. Те профессионалы, которым забота вменена в рабочие обязанности (например, медицинские работники, няни, воспитатели), становятся более чувствительными к необходимости эмоциональной работы в отношениях с пациентами. При этом они ощущают дефицит своей подготовки в этой области, которая столь значима для новых требовательных потребителей.

Трансформации постсоветской заботы можно суммировать следующим образом:

1) На уровне социальной политики: сочетание патерналистских и неолиберальных тенденций при утверждающейся конфигурации «риторический патернализм на фоне прагматического либерализма». Наблюдается также разрыв между режимами заботы о детях, с одной стороны, и пожилых гражданах — с другой. Если в первом случае развитые рыночные сервисы и государственная социальная политика способствуют дефамилиализации заботы, то во втором случае сохраняются культурные идеалы и практики традиционной внутрисемейной заботы.

2) На уровне институтов: ограниченное внедрение либеральных механизмов в работу учреждений социальной сферы, приоритет отдается подотчетности, а не эффективности.

3) На уровне индивидов: формирование новых субъектов заботы — требовательных граждан-потребителей и специалистов, действующих заботу как ресурс профессионализации.

4) Гендерное воспроизводство: профессионализация и коммерциализация заботы не изменяют гендерного уклада. Воспроизводятся паттерны женской заботы как в публичной, так и в частной сфере. Практики заботы остаются ядром женской субъективности.

5) Механизм воспроизводства социального неравенства — коммодификация заботы — позволяет облегчить домашний труд в экономически обеспеченных домохозяйствах. При этом сохраняется неравенство в доступе к услугам качественной заботы, обусловленное рыночными позициями домохозяйств.

Исследуя заботу на микроуровне

Авторы настоящего сборника изучают практики заботы на микроуровне, их интересует прежде всего то, как индивидуальные акторы решают проблему кризиса заботы, как они переживают социально-политические реформы и институциональные преобразования, какие стратегии они выработывают в связи с трансформациями. В книге рассматриваются практики заботы, предоставляемой в государственных учреждениях, частными предпринимателями, а также примеры внутрисемейной заботы. Авторы обращают внимание на воспроизводство гендерного профиля заботы в постсоветском контексте и на механизмы создания неравенства в доступе к услугам.

Тексты сборника рассматривают модальности заботы, соответствующие разным формам уязвимости ее адресатов, связанной с определенной стадией жизненного пути (цикла), состоянием здоровья, гендерно чувствительным опытом получателя заботы.

Сборник открывает блок текстов, посвященных практикам заботы в сфере медицины. Авторы анализируют заботу о пациентке как составляющую медицинской помощи, показывают, как она регулируется правилами института и осуществляется практически. В центре статьи Анны Темкиной — профессиональная подготовка медсестер. Работники сестринского звена современной системы здравоохранения представляют гендерно маркированную классическую заботящуюся профессию. В настоящее время ее стандарты существенно изменяются, расширяется сестринское высшее образование, налицо попытки поднять престиж этого ви-

да занятости, которые предпринимаются как сверху, так и инициативно — снизу. Внимание исследовательницы сосредоточено на двух темах: она анализирует, как женщины, обучающиеся данной специальности, осваивают гендерно фреймированные навыки профессиональной заботы, и изучает, как институциональный контекст российского здравоохранения (не) позволяет реализовать эти навыки на практике. Автор показывает, что профессионализм медсестер носит двойственный характер. С одной стороны, от них ожидается умение властвовать над чувствами, сохраняя при этом профессиональную нейтральность, с другой — они обучаются тому, как демонстрировать аутентичную эмоциональную вовлеченность.

Статья Анастасии Новкунской переносит нас в сферу медицинской помощи беременным и рожаящим женщинам. Анастасия проблематизирует институциональное устройство системы родовспоможения, показывая, что фрагментированность медицинской помощи — распределение ее между разными учреждениями и разными специалистами — не соответствует интересам как женщин, так и самих медицинских специалистов.

Эмпирические кейсы, к которым обращается автор, — небольшие родильные отделения районных больниц. Исследовательница анализирует то, в каких формах в изучаемом контексте может реализоваться принцип преемственности профессиональной заботы, предполагающий установление пациенто-ориентированных и эмоционально насыщенных отношений между медицинскими профессионалами и беременными женщинами, и то, на каких структурных уровнях этот принцип нарушается.

Анастасию Угарову интересует вопрос, как медицинские специалисты обращаются с болью онкологических больных — как они классифицируют эту боль, как принимают решения о назначении обезболивающих препаратов, как коммуницируют с пациентами. Забота в данном случае рассматривается в контексте неформальных практик профессионалов и практик, направленных на поддержание надежды на выздоровление. Исследовательница противопоставляет формальные правила и стандарты, связанные с назначением обезболивающих препаратов, и те случаи, когда врачи отклоняются от официальных норм ради благополучия больных

Тема текста Екатерины Бороздиной — представления и практики, связанные с естественными родами в России. Екатерина

показывает, как трансформирующийся социальный контекст приводит к разнообразию толкований термина *естественные роды*, к возникновению разных моделей заботы о беременной и рожавшей женщине, и каждая из этих моделей претендует на то, чтобы именоваться естественной. Отдельный акцент в статье делается на вопросах социального неравенства: исследовательница показывает, что выбор одной из моделей естественных родов обусловлен имеющимися у родителей финансовыми и образовательными ресурсами.

Работа Анны Ожигановой продолжает тему естественных родов, однако фокусируется на особом их типе — домашних родах. Исследовательница рассматривает домашнее родовспоможение в качестве сферы реализации профессиональной заботы акушерок о роженице. Анна также подчеркивает разнообразие интерпретаций и идеологических оснований, фреймирующих работу акушерок. Для представительниц этой женской заботящейся профессии помощь другим в родах может быть оплачиваемым трудом либо призыванием, связанным со становлением субъективности акушерок.

Статьи Анны Авдеевой и Елизаветы Сивак обращаются к следующей стадии родительского опыта — уходу за детьми и заботе о них. Исследовательский интерес Анны Авдеевой сосредоточен на материнской заботе о детях в младенческом возрасте. Анализируя практики грудного вскармливания, автор показывает, что в отношении этого интимного опыта в современном обществе не существует нормативного консенсуса. Медицинские работники и профессионалы в сфере ухода за детьми (врачи-педиатры, психологи, доулы, консультанты по грудному вскармливанию) задают множество паттернов, используя которые женщинам нужно сконструировать собственную правильную стратегию, связанную с кормлением ребенка. Анна также показывает роль гендерной идеологии в оформлении такого, казалось бы, природного опыта, как кормление грудью.

Текст Елизаветы Сивак также посвящен ранней заботе о детях, однако в фокусе ее интереса не родители, а профессионалы. Елизавета обращает внимание на особую сферу занятости, формирующуюся в крупных российских городах, — услуги бебиситтеров. Автор задается вопросом о том, можно ли рассматривать бебиситтеров в качестве самостоятельной профессиональной группы, и если можно, то каким образом бебиситтеры очерчива-

ют границы собственной профессиональной юрисдикции (отличной от работы нянь или воспитателей в детских садах), а также каким образом они обеспечивают доверие со стороны родителей к качеству своих услуг.

Блок статей, завершающий сборник, сосредоточен на тематике заботы о гражданах пожилого возраста. Кто, как и на каких условиях заботится о пожилых в постсоветских обществах — на эти вопросы отвечают статьи блока. Елена Здравомыслова и Алия Низамова, опираясь на концептуальный аппарат критической социальной геронтологии, анализируют медико-социальную заботу в российском пансионате для пожилых. Объект исследования — особое, привилегированное учреждение, которое представляется как образец институциональной заботы о пожилых. Авторы выделяют больничный, гостиничный и коммунальный миры заботы, которые сосуществуют в рамках этого учреждения и между которыми с неизбежностью возникают конфликты. Работа исследователей показывает, что для пожилых людей важно принимать активное участие в организации своей пансионатной жизни и не оставаться пассивными объектами патерналистской бюрократической заботы.

Статья Наталии Шерстневой основывается на эмпирических материалах, относящихся к тому же исследовательскому случаю. Однако вопрос, интересующий Наталию, иной — исследовательница помещает выбор институциональной заботы в контекст биографической ситуации информантов. Автор показывает, что пожилые граждане ориентированы на семейную культурную модель заботы и принимают решение провести остаток жизни в пансионате лишь при определенных условиях. Они готовы добиваться от государства сервисов должного качества, соответствующего их заслугам и социальному статусу. Делая выбор в пользу институциональной заботы, они рассчитывают на то, что освободят от избыточной нагрузки своих родственников, получат достойный уход и квалифицированную помощь. При неизбежном для возраста ухудшении здоровья и ограничении самостоятельности они надеются на достойное сопровождение последнего этапа жизни и обретенную дружескую поддержку соседей по пансионату.

Работа Елены Богдановой переносит нас из крупного города в другой контекст — контекст *community care* в малом городе. Исследовательница акцентирует внимание на неравенстве

в доступе к социальным услугам заботы, которые существуют в России. В особенности ее интересует специфическая форма, которую дефицит заботы приобретает в сельской местности. Анализируя различные формы заботы, осуществляемой в контексте нехватки материальных и финансовых ресурсов, исследовательница показывает, как разные направления заботы оказываются сосредоточены преимущественно в руках одного актора — государственной медицинской службы.

В фокусе статьи Умай Ахунзаде — скрытая коммерциализация внутрисемейной заботы в контексте трансформирующегося азербайджанского общества. Умай показывает, как идеал внутрисемейной домашней заботы о пожилых, принятый в данном обществе, сталкивается с реальностью сложного баланса работы и заботы, к которому приходят родственники нуждающихся в уходе пожилых. Этот конфликт решается через найм сиделок, однако отношения с ними организуются максимально неформальным образом для сохранения иллюзии близких, квазисемейных отношений.

На основании данных исследований мы можем сделать вывод о том, что забота — это не только полезная категория социологического и гендерного анализа. Эта категория позволяет вскрывать невидимые системы неравенства, неформальные правила взаимодействия, подвижность границ публичного и частного. Она помогает понять, как поставщики и получатели заботы приспособляются к институциональным контекстам и идеологиям; задает новую перспективу для исследования комплексных отношений между государством, рынком и семьей в трансформирующемся обществе. Перефразируя известный феминистский лозунг «Личное — это политическое», мы заключаем, что забота — это политическое явление, а изучение различных ее форм — значимое направление критической социологии.

Издание данного сборника стало возможным благодаря профессуре по общественному здоровью и гендеру (ЕУСПБ). Кроме того, подспорьем в подготовке публикации стала стипендия фонда Михаила Прохорова, которая весной 2017 года позволила Екатерине Бороздиной сосредоточиться на редактировании вошедших в сборник статей. Мы также признательны сотрудникам гендерной программы ЕУСПБ Анастасии Новкунской и Дарье Литвиной за организационную помощь на завершающих этапах работы над сборником.

- Авдеева А. (2012). «Вовлеченное отцовство» в современной России: стратегии участия в уходе за детьми, *Социологические исследования*, № 11, с. 95–104.
- Богданова Е. (2006). Советский опыт регулирования правовых отношений, или «в ожидании заботы», *Журнал социологии и социальной антропологии*, т. 9, № 1, с. 77–90.
- Бороздина Е. (2016). Забота в родовспоможении: выгоды и издержки профессионалов, *Журнал исследований социальной политики*, т. 14, № 4, с. 479–492.
- Бороздина Е., Здравомыслова Е., Темкина А. (2012). Как распорядиться «материнским капиталом» или граждане в семейной политике, *Социологические исследования*, № 7, с. 108–118.
- Григорьева И. (2013). Развитие социальной политики в России в 1990–2000-х гг., *Мир России*, т. 22, № 1, с. 132–154.
- Здравомыслова Е., Темкина А. (2015). Лекция 10, в кн.: Здравомыслова Е., Темкина А. *Двенадцать лекций по гендерной социологии*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, с. 525–592.
- Здравомыслова Е., Ткач О. (2016). Культурные модели классового неравенства в сфере наемного домашнего труда в России, *Laboratorium: журнал социальных исследований*, № 3, с. 68–99.
- Темкина А. (2017). «Экономика доверия» в платном сегменте родовспоможения: городская образованная женщина как потребитель и пациентка, *Экономическая социология*, т. 18, № 3, с. 14–53.
- Симонова О., Ядрова Е. (2013). Сообщество средних медицинских сотрудников в области кардиохирургии: социологический анализ эмоционального труда, в кн.: *Профессии социального государства*, под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, с. 91–115.
- Чернова Ж. (2013). *Семья как политический вопрос: государственный проект и практики приватности*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Шишкин С., Боярский С., Власов В., Засимова Л., Колосницина М., Кузнецов П., Овчарова Л., Степанов И., Хорхина Н., Шевский В., Шейман И., Якобсон Л. (2018). *Здравоохранение: необходимые вызовы на ответы времени*. М.: НИУ ВШЭ. (Электронное издание: сайт Центра стратегических разработок. URL: https://www.csr.ru/wp-content/uploads/2018/02/Doklad_zdravoohranie_Web.pdf (дата обращения: 23.12.2018.))
- Abbott P., Meerabeau L., eds. (2003). *The Sociology of the Caring Professions*. London: UCL Press.

- Aulenbacher B., Décieux F., Riegraf B. (2018). The Economic Shift and Beyond: Care as a Contested Terrain in Contemporary Capitalism, *Current Sociology*, vol. 66, N 4, p. 517–530.
- Blair-Loy M., Hochschild A., Pugh A. J., Williams J. C. and Hartmann H. (2015). Stability and Transformation in Gender, Work, and Family: Insights from the Second Shift for the Next Quarter Century, *Community, Work & Family*, vol. 18, N 4, p. 435–454.
- Classen R. (2011). The Commodification of Care, *Hypatia*, vol. 26, N 1, p. 43–64.
- Christensen K., Pilling D. (2017). *The Routledge Handbook of Social Care Work Around the World*. New York: Routledge.
- Cook L. J. (2011). Russia's Welfare Regime: the Shift Toward Statism, in: *Gazing at Welfare Gender and Agency at Post-Socialist Countries*, edited by M. Jappinen, M. Kulmala, A. Saarinen. Newcastle: Cambridge Scholars Publishing, p. 14–35.
- Daly M. (2011). What Adult Worker Model? A Critical Look at Recent Social Policy Reform in Europe from a Gender and Family Perspective, *Social Politics*, vol. 18, N 1, p. 1–23.
- Daly M., Lewis J. (2000). The Concept of Social Care and the Analysis of Contemporary Welfare State, *British Journal of Sociology*, vol. 51, N 2, p. 281–298.
- Davies C. (1995). Competence versus Care? Gender and Caring Work Revisited, *Acta Sociologica*, vol. 38, N 1, p. 17–31.
- Edele M. (2006). Soviet Veterans as an Entitlement Group, 1945–1955, *Slavic Review*, vol. 65, N 1, p. 111–137.
- England P. (2005). Emerging Theories of Care as Work, *Annual Review of Sociology*, vol. 31, p. 381–399.
- Graham H. (1991). The Concept of Caring in Feminist Research: the Case of Domestic Service, *Sociology*, vol. 25, N 1, p. 61–78.
- Held V. (2006). *The Ethics of Care: Personal, Political, and Global*. New York: Oxford University Press.
- Hochschild A. (1995). The Culture of Politics: Traditional, Postmodern, Cold-modern, and Warm-modern Ideals of Care, *Social Politics*, vol. 2, N 3, p. 331–345.
- James N. (1992). Care = Organisation + Physical Labour + Emotional Labour, *Sociology of Health & Illness*, vol. 14, N 4, p. 488–509.
- Isaaksen L. W., Devi S. U., Hochschild A. (2008). Global Care Crisis: A Problem of Capital, Care Chain, or Commons? *American Behavioral Scientist*, vol. 52, N 3, p. 405–425.
- Kremer M. (2007). *How Welfare States Care. Culture, Gender and Parenting in Europe*. Amsterdam: Amsterdam University Press.
- Lazarus E. (1994). What Do Women Want?: Issues of Choice, Control, and Class in Pregnancy and Childbirth, *Medical Anthropology Quarterly*, vol. 8, N 1, p. 25–46.

- Lewis J. (1992). Gender and the Development of Welfare Regimes, *Journal of European Social Policy*, vol. 2, N 3, p. 159–173.
- Lutz H. (2018). Care Migration: The Connectivity Between Care Chains, Care Circulation and Transnational Social Inequality, *Current Sociology*, vol. 66, N 4, p. 577–589.
- Lutz H., Palenga-Mollenbeck E. (2012). Care Workers, Care Drain and Care Chains: Reflections on Care, Migration and Citizenship, *Social Politics*, vol. 19, N 1, p. 15–37.
- Mol A. (2008). *The Logic of Care: Health and the Problem of Patient Choice*. London: Routledge.
- Orloff A. (2009). Gendering the Comparative Analysis of Welfare States: an Unfinished Agenda, *Sociological Theory*, vol. 27, N 3, p. 317–343.
- Parrenas R. (2003). The Care Crisis in the Philippines: Children and Transnational Families in the New Global Economy, in: *Global Woman: Nannies, Maids, and Sex Workers in the New Economy*, edited by B. Ehrenreich, A. Hochschild. New York: Metropolitan, p. 39–54.
- Rotkirch A., Tkach O., Zdravomyslova E. (2012). Making and Managing Class: Employment of Paid Domestic Workers in Russia, in: *Rethinking class in Russia*, edited by S. Salmenniemi. London: Ashgate, p. 129–148.
- Sevenhuijsen S. (1998). *Citizenship and the Ethics of Care: Feminist Considerations on Justice, Morality and Politics*. London; New York: Routledge.
- Tkach O., Hrženjak M. (2016). Paid Domestic Labour in Postsocialist Contexts: Regional Traits of a Global Phenomenon: An Introduction, *Laboratorium: Russian Review of Social Research*, vol. 8, N 3, p. 4–14.
- Tronto J. (1993). *Moral Boundaries: A Political Argument for an Ethic of Care*. New York: Routledge.
- Ungerson C. (1995). Gender, Cash and Informal Care: European Perspectives and Dilemmas, *Social Politics*, vol. 24, N 1, p. 31–52.
- Walby S. (1994). Is Citizenship Gendered? *Sociology*, vol. 28, N 2, p. 379–395.